

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-27-35

УДК 94

МАКАРЕНКО Мария Юрьевна

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
makarenkom@inbox.ru

САВЧЕНКО Михаил Александрович

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
mikhasavchenko@yandex.ru

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ ЭМИГРАНТОВ ИЗ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ.**

Аннотация: В статье сделана попытка определить причины и мотивацию сотрудничества эмигрантов (акцент сделан на казачьей эмиграции) с Кубани, хотя среди коллаборационистов были и те, кто не имел к казачеству никакого отношения. В современной отечественной историографии проблема коллаборационизма, в том числе и казачьего, проработана достаточно хорошо. Тем не менее, в полном объеме изучены причины и мотивы, толкнувшие казачью эмиграцию к сотрудничеству с противником Советского Союза. Используются впервые введенные в научный оборот документы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК).

Ключевые слова: казачество юга России, эмиграция, мотивы сотрудничества с оккупантами, коллаборационизм, численности казачьих частей, воевавших на стороне противника, Гражданская война, Кубано-Черноморский регион.

Для цитирования: Макаренко М.Ю., Савченко М.А. Коллаборационизм эмигрантов из Кубано-Черноморского региона в период Великой отечественной войны: причины и мотивы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019.

Том. 11. № 6. с. 27-35.

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-27-35.

Maria Yu. MAKARENKO

Kuban State University
Krasnodar, Russia
makarenkom@inbox.ru

Mikhail A. SAVCHENKO

Kuban State University
Krasnodar, Russia
mikhasavchenko@yandex.ru

COLLABORATIONISM OF EMIGRANTS FROM THE KUBAN-BLACK SEA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CAUSES AND MOTIVES.

Annotation: The article attempts to determine the reasons and motivation for the cooperation of emigrants (emphasis is placed on Cossack emigration) with the Kuban, although there were also those among collaborators who had nothing to do with the Cossacks. In modern Russian historiography, the problem of collaborationism, including Cossack, has been worked out quite well. Nevertheless, the reasons and motives that pushed the Cossack emigration to cooperate with the enemy of the Soviet Union remain insufficiently studied. The documents of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the State Archives of the Krasnodar Territory (GACC), first introduced into scientific circulation.

Keywords: Cossacks of the south of Russia, emigration, motives for cooperation, collaborator, the number of Cossack units that fought on the side of the enemy, the Great Patriotic War, the Kuban-Black Sea region.

For citation: Makarenko M.Yu., Savchenko M.A. Collaborationism of emigrants from the Kuban-Black Sea region during the Great Patriotic War: causes and motives. Historical and Social-Pedagogical Studies. 2019. Vol. 11. No.6. PP. 27-35.
DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-27-35. (In Russ., abstract in Eng.).

Цель предлагаемого исследования – проанализировать причины и мотивы коллаборационизма эмигрантов Юга России, проживавших в странах Европы, государствах, попавших под влияние фашизма. Показать позиции лидеров казачьей эмиграции в сложившейся ситуации.

В современной отечественной историографии проблема коллаборационизма, в том числе и казачьего, проработана, казалось бы, досконально. Тем не менее, в недостаточной степени освещены причины и мотивы, толкнувшие казачью эмиграцию – людей в большинстве своем, преданных дооктябрьской России (иногда практически случайно оказавшихся за границей), на сторону врага, развязавшего войну с их Родиной.

Ограниченный объем публикации не позволяет провести полноценный историографический обзор, остановимся только на анализе работ, наиболее близких к теме.

Одной из актуальных проблем, вобравшей в себя этические, социальные и правовые, демографические аспекты, является проведенная М.И. Семирягой тема коллаборационизма в период Второй мировой войны, который «представляет собой многообразный и частично противоречивый феномен» [1].

По мнению Е.Ф. Кринко, наиболее объективным представляется определение общей численности казачьих частей, воевавших на стороне противника в годы Великой Отечественной войны, 70–80 тыс. человек, относительный вес потомственных казаков среди них примерно 50 тыс. человек [2]. На наш взгляд подобные цифры являются единственно правильными, поскольку более точная оценка с учетом временной давности и смутного характера эпохи невозможна. Немаловажен и тот факт, что в годы нэпа благодаря позиции новой власти, многие мигранты возвращались на Родину. Только 1430 казаков из состава Казачьего Стана, выданных советским властям в г. Лиенце, принадлежало к эмигранты первой волны [3]. Соответственно остальные – это мигранты Великой Отечественной войны.

По мнению О.В. Ратушняка: «Коллаборационизм казаков был обусловлен в первую очередь обидами на советскую власть и проводимые ею репрессии казачества, а также боязнью новой волны репрессий после окончания Второй мировой войны» [4]. Боялись не только факта, сотрудничества в годы Великой Отечественной войны, а того, что в силу происхождения, находящийся на оккупированной территории мог быть расценен как коллаборационист.

Рассматривая проблему казачьего коллаборационизма, необходимо отметить, что Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали причиной казачьего коллаборационизма, который проявится в 1941–1945 гг. Аналогичного мнения придерживается С.И. Дробязко, отмечая, что «советский коллаборационизм представлял сложное и неоднородное явление. Однако не подлежит сомнению, что его истоки восходят к событиям 20-летней давности – революции и Гражданской войне в России 1917–1922 гг.» [5].

В истории «советского» казачества время нэпа (прежде всего – 1924–1926 гг.) – период особенный. До него было печально (точнее – трагедийно) известное циркулярное письмо ЦК РКП (б) от 24 января 1919 г., в котором была продиктована открытая оппозиция власти к казачеству. После – «великий перелом», поставивший казачество и крестьянство в вынужденную оппозицию к Советской власти. Нэп же был периодом относительно благополучным: появилась реальная альтернатива противостоянию казачества и Советской власти. В результате с чем, многие казаки-эмигранты вернулись на Родину.

Пленум ЦК РКП(б), проходивший в апреле 1925 г., признал «недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [6]. Событие усилило поток казаков-эмигрантов на историческую Родину.

Следует отметить, что в разгар нэпа отношения казачества, оставшегося на Родине, и советской власти складывались относительно мирно. На Северном Кавказе это заслуга, прежде всего руководителя Края А.И. Микояна.

В начале Гражданской войны большинство казаков старались придерживаться нейтралитета, не оказывая явной поддержки ни одной из сторон политического противостояния. Нередко присутствовал вынужденный коллаборационизм с противостоящей стороной, как вынужденная стратегия выживания.

Гражданская война в любом государстве сопровождается жестокими эпизодами. Не стало исключением и военно-политическое противостояние в России в 1917–1922 гг. (иногда встречается и другая датировка военных событий, мы же, для Кубано-Черноморского региона указанную, считаем наиболее приемлемой) В постсоветский период принято считать, что казачество Юга России, в большей степени пострадало от «красного» террора [7], хотя имеются и факты «белого»

притеснения казачества, наиболее одиозным является так называемое «кубанское действо» [8].

Смерти убитых пролегли между южнорусским казачеством и Советской властью 1918 г. [9], все больше становилось противостояние между казаками и иногородними (в Кубано-Черноморском регионе даже между жителями одной станицы или семьи) в ходе Гражданской войны.

Население Юга России, являясь мобилизационной основой «белых» Вооруженных ресурсов Юга России, находясь в глубоком социально-экономическом конфликте с иногородним населением, подверглось репрессиям и после завершения Гражданской войны.

Как отмечает И.Г. Иванцов, своеобразное «закручивание гаек» на Кубани началось уже осенью 1920 г., что выразилось в целом комплексе разнообразных мероприятий: «установлена государственная монополия на распределение продуктов питания, введен строгий запрет на свободную торговлю хлебом, мясом, салом, сметаной и другими сельскохозяйственными продуктами. Началось изъятие старых денежных знаков. Были национализированы частные (даже мелкие) промышленные предприятия... конфисковывалось имущество и жилье зажиточных граждан, людей подвергали аресту, высылке в концлагеря» [10]. Эти, не совсем продуманные со стороны власти меры не могли не восстановить местное зажиточное население и казаков, и иногородних против новых порядков.

Практически сразу после эмиграции в ноябре 1920 г. Русской армии из Крыма, в том числе кубанских казачьих частей, встал вопрос материального обеспечения и налаживания повседневного быта. Войсковой атаман Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко, избранный уже после трагического исхода казаков, уделял этому много внимания. В конце января – начале февраля он посещает Галлиполи и Лемнос атаманами донцов и терцев. В обстановке растерянности и неизвестности необходимо было дать разъяснения ситуации казакам, понятное казакам, приободрить, вселить уверенность в завтрашнем дне. Как отмечал сам В.Г. Науменко в своем дневнике: «собрав людей поближе, я говорил с ними, указав на то что:

1) Мы (Атаманы) заключили согласие, которое считаем необходимым для дела (речь идет об объединении казачьих войск и проведения независимой от генерала П.Н. Врангеля политики;

2) Указал на необходимость держаться в кулаке и не распыляться;

3) Объяснил погибельные последствия для записавшихся в Совдепию, которым грозит если не смерть, то ссылка на принудительные работы, или же зачисление в войска;

4) Объяснил также последствия зачисления в легион (французский Иностранный легион – **М.С., М.М.**);

5) Указал на мероприятия, принимаемые нами для облегчения жизни и возможности устройства в Сербии или какой другой стране» [11].

В начале октября 1928 г, уже после смерти П.Н. Врангеля, возмущенный А.А. Шкуро явился к генералу А.А. фон Лампе редактору сборника «Белое Дело», в котором впервые были напечатаны воспоминания бывшего Главкома. По словам А.А.фон Лампе, А.Г. Шкуро «начал довольно острый разговор по поводу того, что П.Н. Врангель в своих записках его «обложил»... Он начал корить меня, что де мол я должен был вычеркнуть то, что сказано о нём, и что он будет выступать в печати». Разговор шёл на повышенных тонах и в не самых лицеприятных выражениях, однако А.А. фон Лампе удалось загладить конфликт, заявив, что «обложил» покойный П.Н. Врангель не одного А.Г. Шкуро. «Вычёркивать» или изменять мнение

одного исторического лица о другом он, как редактор, не имел никакого права. А.Г. Шкуро, очевидно, польстило причисление его персоны к «историческим лицам». Поэтому он взял свои слова обратно и от дальнейших претензий отказался [12].

Как и по всей стране, в 1930-е гг. по казачьим территориям прокатилась волна «большого террора». На примере Кубани, С.А. Кропачев показывает картину абсурдности и безжалостности карательной машины Советской власти, «раскрывающей» мнимые заговоры и несуществующие контрреволюционные организации среди казачества Юга России [13].

Под влиянием непреодолимого желания продолжить военную борьбу против советской власти и тяготившей его нестабильной жизни (например, работа в зарубежных цирках, унижавшего казачьего генерала) эмигрант-беглец А.Г. Шкуро ищет союзников для активной военной деятельности. В 1932 г. А.Г. Шкуро убеждает одного из лидеров русских фашистов в Харбине генерала В.Д. Косьмина, что «все его силы в количестве 20 000 кавалеристов могут сняться в течение трех суток» для выступления вместе с японцами против СССР [14].

А.Г. Шкуро был не одинок в своем желании продолжить войну с большевизмом, но для этого необходимо было объединить казачьи силы. Весной 1934 г. в Харбине была сделана попытка объединить казаков азиатской части России в единую Общеказачью станицу. Программа данного объединения предусматривала: 1) объединение всех казаков; 2) выработку казачьей идеологии; 3) возрождение самобытности казачества; 4) подготовку общественно-политических деятелей из казаков; 5) воспитание молодого поколения в казачьем духе; 6) борьбу «с поработителями и угнетателями казачества»; 7) благоустройство казаков в эмиграции [15]. Поэтому можно говорить, что к старым не прощеным обидам, чувству горечи от поражения в Гражданской войне добавились новые эмоциональные потрясения от репрессий Советской власти по отношению к близким, оставшимся на территории Советского Союза. Чувство ненависти к Советской власти и желание ее свергнуть не ослабло за двадцать лет эмиграции, а лишь крепили и ждали необходимой политической ситуации.

В 1936 г. в Испании началась Гражданская война, которую руководство Русского Общевоинского Союза (РОВС) считало продолжением Гражданской войны в России и призывало бывших белогвардейцев отправиться в Испанию и принять участие в борьбе против коммунизма. Казаки-эмигранты были равнодушными от этих планов и надежд. Генерал А.Г. Шкуро активно пытался договориться с генералом Ф. Франко о широком поступлении в войска последнего русских добровольцев, однако Ф. Франко отклонил это предложение, не дав втянуть обескровленную Гражданской войной Испанию в котел Второй мировой войны.

К началу Второй мировой войны А.Г. Шкуро по-прежнему жил в Югославии и надеялся, что Германия все-таки нападет на СССР, разгромит РККА и с большевизмом в России будет покончено, а значит возможно его возвращение с сохранение всех регалий. Германия обозначила свою политику военно-политической экспансии, радикально настроенная часть кубанской казачьей эмиграции надеялась на ее нападение на Советский Союз, разгром Красной армии и уничтожение большевистской диктатуры. Поэтому после 22 июня 1941 г. враждебно настроенная к СССР часть кубанского казачества в эмиграции предпринимает шаги для участия в мировой войне.

Первоначально немецкое военное командование не решалось активно, принимая во внимание их возможную неблагонадежность. Привлекать казаков-эмигрантов к военным действиям только в крайнем случае: военные неудачи на

фронтах заставили изменить эту ситуацию. Со временем будут сформированы казачьи части из представителей казачьей эмиграции, изъявивших желание добровольно участвовать в войне Германии против Советского Союза. Высшее руководство казачьих войск за рубежом в лице генералов П.Н. Краснова, В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро будет привлечено для работы в Главном управлении казачьих войск, которое организует немецкое военное командование.

На рубеже XX – XXI вв количество книг и статей, посвященных теме коллаборационизма, увеличилось, поддерживая интерес к теме. Одной из особенностей недавнего этапа историографии проблемы является то, что некоторые авторы придерживаются апологетического тона, чем в свою очередь нарушают принцип объективности исследования. Ярким примером такого отношения к науке можно считать ряд статей К. Александрова, опубликованных в журналах «Посев» и «Новый часовой» [16]. В подобном тоне в 2000 г. публикуется монография А.В. Окорокова «Антисоветские формирования в годы Второй мировой войны» и ряд других исследований. В последние годы наметился более взвешенный подход к проблеме, который, вероятно, продолжится и в будущем.

Таким образом, эхо Гражданской войны 1917–1922 гг. вернулось через два десятилетия, обернувшись коллаборационизмом казаков и местных кубанцев, и тех, кто находился за пределами СССР в период Второй мировой войны. Основная причина российского коллаборационизма: идейно-политическая непримиримость с советской властью эмигрировавших казаков, желание предъявить свой счет к советской власти тех, кто пострадал от нее в период 1920–1930-х гг. (эта категория не относилась к эмигрантам, между тем, разделяя с ними общие позиции по многим вопросам).

Участия населения Юга России в коллаборационизме, помимо объективных факторов (например, утрата имущества), основываются еще и один – на эмоционально-чувственной основе. В данном случае на исторический процесс оказывали влияние социально-психологические факторы трансформации зарубежного казачества из жертв Советской власти в участников реальных или опосредованных в позиции противостояния СССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С.7.
2. Кринко Е.Ф. В составе Вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Исторические и политологические исследования. 2013. № 4 (54). С. 268.
3. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 649.
4. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Краснодар, 2018. С. 19.
5. Дробязко С.И. Русский коллаборационизм 1941–1945 гг. как рецидив Гражданской войны // Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. Материалы научной конференции. Москва, 29 апреля 2010 г. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2010. С. 70.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). М., 1970. Т. 3: 1924–1927. С. 237.
7. Красный террор в годы Гражданской войны / Под ред. Ю. Фельштинского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. – 512 с.; Черкасов А.А., Чекерес О.Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920–1922 гг. // История и ис-

- торики в контексте времени. 2004. № 2. С. 55–73; Волков С.В. Красный террор на Юге России. М.: Айрис-пресс, 2013. 544 с.; Сивков С.М. Террор и терроризм на территории Северного Кавказа в годы Гражданской войны // История и историки в контексте времени. 2013. Т. 10. № 1. С. 15–23.
8. Белоусов И. Сепаратисты в стане Деникина // Родина. 1995. № 2. С. 89–91; Зайцев А.А. Кубанские самостийники и деникинская контрреволюция в 1918–1920 гг. // Наука и школа. 2008. № 5. С.73–75; Сивков С.М. Взаимодействие кубанского казачества с Белым движением в период Гражданской войны 1918-1920 гг.: проблемы и точки соприкосновения // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2017. С. 263–268.
  9. Стрелянов (Кулабухов) П.Н. Красный террор на Кубани 1918–1920 гг. // Кубанский сборник. 2006. Т. I (22). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=312&type=page&lid=284> (дата обращения: 01.08.2018); Волков С.В. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm/> (дата обращения: 01.08.2018).
  10. Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, Типография «Плехановец», 2009. – 454 с.; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.; Федина И.М. Репрессивная политика властей к этносоциальному миру казачества в начале 1930–х годов (на примере выселений кубанских станиц) // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3–4 (55–56). –С. 155–159.
  11. ГАКК. Ф. Р-1913. Д. 131. Л. 3.
  12. ГАРФ, Ф.5853. Оп.1. Д.36.Л.7
  13. Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х гг. Краснодар, 1993. – С. 22–33.
  14. ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 8. Л.42–42 а.
  15. Косик В.И. Русские в Хорватской православной церкви (1942–1944) // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 142–144.
  16. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М., 2004. С. 14.

REFERENCES

1. Semiryaga M. I. A Collaboration. Nature, typology and manifestation during the Second world war. Moscow: rosspan, 2000. P. 7.
2. Krinko E. F. as part of the Wehrmacht and the SS: collaborationist Cossack units. Historical and political studies. 2013. No. 4 (54). Pp. 268.
3. Drobyazko S. I., Romanko O. V., Semenov K. K. Foreign formations of the Third Reich. Moscow: AST: Astrel, 2011. P. 649
4. Ratushnyak O. V. Cossack abroad as a socio-historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920-1960-s): autoref. dis. ... d-RA. east. sciences'. Krasnodar, 2018. P. 19.
5. Drobyazko S. I. Russian collaborationism 1941-1945 as a relapse of the Civil war. Pages of the history of the Second world war. Collaboration: causes and consequences. Materials of the scientific conference. Moscow, April 29, 2010 Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries). Moscow, 2010. P. 70.

6. Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1970). Moscow, 1970. Vol. 3: 1924-1927. Pp. 237.
7. The red terror during the Civil war. edited by Yuri Felshinsky. Moscow: TERRA-Book club, 2004. - 512 p.; Cherkasov A. A., Chekeres O. Yu. To the question of red terror on the territory of Kuban and the black sea in 1920-1922. History and historians in the context of time. 2004. No. 2. Pp. 55-73; Volkov S. V. Red terror in the South of Russia. Moscow: iris press, 2013. 544 p.; Sivkov S. M. Terror and terrorism on the territory of the North Caucasus during the Civil war. History and historians in the context of time. 2013. Vol. 10. No. 1. Pp. 15-23.
8. Belousov I. the Separatists in the camp of Denikin. homeland. 1995. No. 2. P. 89-91; Zaitsev A. A. Kuban and independence supporters of Denikin's counter-revolution in 1918-1920. Science and school. 2008. No. 5. P. 73-75; Sivkov S. M. Interaction of the Kuban Cossacks with the White movement during the Civil war of 1918-1920: problems and points of contact. War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia: Materials of the all-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-don, 2017. Pp. 263-268.
9. Streliaev (Kulabukhov) PN. The red terror in the Kuban 1918-1920. Kuban collection. 2006. Vol. I (22). Available at: <http://www.gipanis.ru/?level=312&type=page&lid=284> (accessed: 01.08.2019); Volkov S. V. Red terror during the Civil war. Based on the materials of the Special investigative Commission to investigate the atrocities of the Bolsheviks. Available at: <http://swolkov.org/doc/kt/index.htm/> (accessed: 01.08.2019).
10. Historical memory of the population of the South of Russia about the famine of 1932-1933. Materials of the scientific and practical conference. edited by N. I. Bondar, O. V. Matveev. Krasnodar, Printing House "Plekhanovets", 2009. 454 p.; Skorik A. P., R. G. Tikijian the Don in the 1920-ies: essays on the history. Rostov-na-Donu: Izd-vo sknts VSH yufu, 2010. 244 p.; Fedina I. M. Repressive policy of the authorities to the ethno-social world of the Cossacks in the early 1930s (on the example of evictions of Kuban villages). Economy. Right. Print. Bulletin of the CSEI. 2012. No. 3-4 (55-56). Pp. 155-159.
11. GACC. F. R-1913. D. 131. L. 3.
12. GARF, F. 5853. Op.1. D. 36.L. 7
13. Kropachev S. A. the Great terror in the Kuban. Dramatic pages of the history of the region in the 30-40s. Krasnodar, 1993. Pp. 22-33.
14. GARF. F. 6906. Op. 1. D. 8. L. 42-42 a.
15. Russian Russians in the Croatian Orthodox Church (1942-1944). Russian abroad and the Second world war. Moscow, 2013. Pp. 142-144.
16. Kovalev B. N. Nazi occupation and collaboration in Russia, 1941-1944. Moscow, 2004. P. 14

Информация об авторах: Макаренко Мария Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
makarenkom@inbox.ru

Савченко Михаил Александрович, магистр исторических наук Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
mikhasavchenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

После доработки: 14.12.2019

Принята к публикации: 27.12.2019

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Makarenko Maria Yu., Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor of Kuban State University,
Krasnodar, Russia
makarenkom@inbox.ru

Savchenko Mikhail A., Master of Historical Sciences,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
mikhasavchenko@yandex.ru

Received: 28.11.2019

Received after reworking: 14.12.2019

Accepted for publication : 27.12.2019

The authors have read and approved the final manuscript.